

**ПЛАМЯ НАД ДЖОРДЖИЕЙ:
ЧАСТЬ 2. ЭМИЛИ КАРТЕР,
БУНТАРКА БЕЗ МАСКИ**

Дамир Янсуфин
Пламя над Джорджией.
Часть 2. Эмили Картер,
бунтарка без маски

<https://litres.ru/73893009>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она победила. Но победа — это только начало.

Эмили Картер, бывшая бунтарка, президент распущенной ею же Конфедерации, берётся за самую сложную миссию в истории Америки — превратить вековых врагов в единую нацию. Но старая ненависть не умирает сама собой.

В этой книге — история того, как из пепла войны рождается мир, как из вражды — сотрудничество, и как одна женщина, пройдя путь от наивной бунтарки до мудрого советника, научила целую нацию прощать. И ушла на закате, оставив после себя не памятник, а страну.

Вторая книга дилогии «Пламя над Джорджией» — это не продолжение войны, а история примирения. Эмили Картер не идёт в бой с оружием в руках. Она строит мосты. И когда мосты построены — она уходит, чтобы те, кто шёл за ней, продолжили путь сами.

Книга охватывает период с 1885 по 1928 год. Завершается эпилогом, где стареющая героиня смотрит на закат над тexasской равниной, осознавая: её дело живёт.

Дамир Янсуфин

Пламя над Джорджией.

Часть 2. Эмили Картер, бунтарка без маски

Глава 70. Прощальный тост в «Белом Тополе» – Пролог к Новой Эре

Тишина, повисшая после слов отца, была густой, как смола, и тяжёлой, как свинец.

Эмили смотрела на него — этого гордого человека, сломленного, а затем вновь вознесённого её рукой на немислимую высоту. Он был отцом. Но в его глазах, устремлённых на неё, она видела не просто дочь. Она видела подданного, взирающего на монарха. В этом взгляде была вся цена её победы.

Любовь, которую невозможно вернуть. Расстояние, которое невозможно сократить. И уважение, которое слаще любой любви, но холоднее зимнего неба.

— Бояться нечего, отец, — произнесла Эмили, и её голос прозвучал тихо, разрезая густую тишину, как лезвие. — Не тебе. И не мне.

Она перевела взгляд с него на мать, на брата, на старого полковника, застывшего в тени.

— Мы боялись друг друга слишком долго. Ты — что я разрушу твой мир. Я — что ты так и не поймёшь, почему это было необходимо.

Она медленно подняла свой бокал. Рубин виски поймал отсвет пламени из камина, заиграв глубокими, кровавыми бликами.

— Я пью не за Президента, — сказала она. — Я пью за семью, которая уцелела в огне.

Она посмотрела на мать — Кларисса Картер улыбнулась, и в этой улыбке не было ни тени прежней горечи.

— За мать, которая снова улыбается.

На брата — Уильям, генерал Конфедерации, выпрямился, и его чеканный профиль на секунду смягчился.

— За брата, что научился служить не только приказам, но и совести.

И, наконец, на отца — человека, чей мир рухнул и возродился заново в лице его собственного ребёнка.

— И за отца, который, пусть и не до конца понимая, принял выбор своей дочери.

Эмили обвела взглядом всех — задержалась на мгновение на старом полковнике, который не проронил ни слова, но чьё молчание было громче любой похвалы.

— Мы заплатили за этот ужин слишком высокую цену, — сказала она, — чтобы позволить страху снова сесть с нами за один стол.

Она подняла бокал чуть выше.

— Давайте больше никогда не позволять ему этого.

Эмили отпила из бокала. Глоток обжёг горло, но это было приятное тепло — тепло жизни, тепла победы, тепла дома.

Ритуал был завершён.

Прошлое было похоронено — не забыто, нет, оно всегда будет с ней, в каждом шраме на душе, в каждом воспоминании о пепле. Но оно больше не держало её за горло.

Она снова была Эмили Картер.

Дочь. Сестра. Женщина, сидящая с семьёй за ужином, в стенах, где когда-то всё началось.

Но все за этим столом знали: это лишь иллюзия. Короткая передышка перед новой бурей.

Завтра она снова наденет мундир Президента. Подпишет указы, которые изменят судьбы миллионов. Выслушает доклады о мятежах, саботаже и крови. И продолжит свою революцию — ту, что никогда не закончится до последнего вздоха старого мира.

А пока...

Пока здесь, в стенах «Белого Тополя», царил хрупкий, страданный мир.

На несколько часов они снова были просто семьёй.

Отец протянул руку и накрыл её ладонь своей.

— Ты права, — сказал он тихо. — Бояться нечего. Теперь уже нечего.

Мать поставила свой бокал и улыбнулась — той улыбкой, которую Эмили не видела много лет.

Уильям кивнул — коротко, по-военному, но в его глазах не было приказа, было что-то другое. Братское.

И даже старый полковник, пригубив виски, чуть склонил голову — не в поклоне, нет, в знак того, что он, наконец, признал: эта война окончена. И в этой войне победила она.

Эмили откинулась на спинку стула.

За окном занимался рассвет.

Она подумала о том, что ждёт её впереди. О новых врагах, которые поднимут головы. О «Невидимой империи», уже плетущей свои сети. О тех, кто не смирится никогда.

Но это будет завтра.

А сегодня... сегодня она просто Эмили.

Она взяла со стола вилку.

— Ешьте, — сказала она. — Остывает.

Глава 71. Благодарность в «Белом Тополе»

Слова Эмили — тихие, тёплые, полные той особенной силы, которая не нуждается в громкости, — растворили последние остатки напряжения в воздухе. Будто кто-то снял невидимую тяжесть с плеч каждого, кто сидел за этим столом.

Она обвела взглядом родные лица — и в её глазах была не власть президента, которой трепетал весь континент. В них было тепло дочери.

Тепло сестры.

Тепло женщины, которая через пепел и кровь пришла к этому мгновению.

— Отец... — произнесла она, и голос её дрогнул впервые за этот долгий, долгий вечер. — Спасибо тебе.

Он поднял на неё глаза — усталые, но светлые.

— За твою веру, даже когда ты не понимал, — продолжала Эмили. — За твою поддержку, даже когда она была для тебя тяжким бременем. Без твоей стойкости, без тех уроков силы, которые ты, сам того не ведая, преподал мне в детстве, я бы не выстояла.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Ты — мой первый и самый суровый учитель. И я благодарна тебе за это.

Отец сжал челюсть, чтобы не выдать себя. Но Эмили видела — по тому, как дрогнула его рука, сжимавшая бокал, как влажно блеснули его глаза. Всю жизнь он учил её быть сильной. А она только что преподала ему урок, которого он не ждал: сила не в том, чтобы не чувствовать. Сила — в том, чтобы чувствовать и идти дальше.

Она повернулась к матери, и её лицо озарилось мягкой, чистой улыбкой — такой, какой Кларисса Картер не видела на лице дочери долгие, долгие годы.

— Мама... — сказала Эмили. — Я люблю тебя.

Эти слова, такие простые, такие необходимые, коснулись самого сердца женщины, которая когда-то смотрела в пустоту и видела только свои призраки.

— Твоя тихая сила, твоё умение видеть сердцем, а не только глазами... — Эмили покачала головой. — Ты была моим

маяком в самые тёмные ночи. Ты ни разу не усомнилась во мне — даже когда я сама в себе сомневалась. Спасибо... что просто была рядом.

Мать не заплакала. Она просто взяла руку дочери и сжала её — крепко, как сжимают то, что боятся потерять навсегда. И в этом безмолвном пожатии было больше смысла, чем в любых словах благодарности.

Затем взгляд Эмили упал на брата.

Уильям — генерал Конфедерации, солдат, который когда-то мечтал только о чинах и приказах, — сидел с прямой спиной, но в его глазах не было привычной военной отстранённости. Он ждал. Чего? Он сам не знал.

— Уильям... — сказала Эмили. — Я люблю тебя.

Они не часто говорили эти слова друг другу в детстве. А потом и вовсе забыли — за делами, за расстоянием, за разными судьбами.

— Ты стал не просто солдатом Конфедерации, — продолжала она. — Ты стал человеком чести. Ты научился видеть не только приказы, но и людей. Твоя верность и твоя храбрость — один из столпов, на которых держится всё, чего мы достигли. Я горжусь тобой, брат.

Уильям молчал — но в его молчании слышалось что-то, похожее на давно забытое удивление. Он кивнул, коротко, по-своему, и в этом кивке был ответ. Он тоже её любил. И гордился. Просто не умел говорить.

И наконец, её взгляд остановился на старом полковнике.

Джеймс Хоторн сидел в своём кресле-качалке, укутанный в плед, живой призрак ушедшей эпохи. Его лицо не выражало ничего. Но его глаза — те самые стальные, всевидящие, когда-то такие враждебные — смотрели на неё в упор, без страха, без надежды. Просто — смотрели.

— И вам, полковник... — сказала Эмили, и в её голосе не было былой вражды. Только уважение. Уважение к достойному противнику и признание его роли в её судьбе. — Спасибо.

Полковник чуть приподнял бровь.

— Ваша бдительность, ваша безжалостная проницательность... они закалили меня. Вы были тем самым точильным камнем, о который я оттачивала свой ум и свою волю. Без вашего недоверия я, возможно, не стала бы столь осторожной. Без ваших испытаний — столь сильной. Вы, сами того не желая, помогли выковать ту, кто сидит перед вами сегодня.

Он молчал долго. Так долго, что Эмили почти пожалела о своих словах. А затем старый волк усмехнулся — коротко, хрипло, беззлобно.

— Хитрая, — сказал он. — Как всегда.

И в этом одном слове было всё.

В комнате воцарилась тишина.

Но это была не та тягучая, гнетущая тишина, что витала

здесь в начале вечера. Другая. Полная глубокого, выстраданного понимания. Тишина людей, которые наконец-то примирились — не с обстоятельствами, не с судьбой, а друг с другом.

Эмили не просто подвела итог ужину. Она примирила прошлое с настоящим. Она признала ценность каждого человека за этим столом в своём невероятном, почти невозможном пути.

Это был акт не только благодарности.

Это был акт великой мудрости.

Она подняла свой бокал в последний раз.

— За нас, — сказала она. — За семью Картер. За тех, кто выжил. И за тех, кто ещё будет жить.

Все подняли бокалы.

Рубиновое вино отразило отсвет камина — как будто в нём зажглось маленькое, домашнее пламя.

Эмили выпила до дна.

Завтра она снова станет Президентом.

Но сегодня... сегодня она была просто Эмили.

Дочь. Сестра. Женщина, чья семья, наконец, обрела покой.

Глава 72. Прощание у подъезда

Эмили встала из-за стола. И вся семья, как по команде, поднялась вслед за ней. Момент теплой, почти забытой близости сменился тем холодным осознанием реальности, которое всегда наступает после короткой передышки.

Президенту пора возвращаться.

Отец подошел первым. Его голос был сдавлен — в горле стоял комок, который он не мог проглотить уже много лет. Он взял её руку в свои грубые ладони — те самые руки, которые когда-то учили её держать поводья, а потом бессильно сжимались в кулаки, глядя на пепел «Белого Тополя».

— Иди, дочка, — сказал он. — Мы... я... мы знаем, что в надёжных руках. Только... — Он запнулся, сглотнул. — Будь осторожна.

В его глазах была та самая смесь: страх и гордость, что жили в нём с того самого дня, когда она впервые открыла рот, чтобы сказать правду. Но теперь в этой смеси преобладало последнее.

Гордость.

Мать обняла её легко, но крепко — так обнимают только тогда, когда боятся, что следующий раз может не наступить. Её шёпот был предназначен только для ушей дочери:

— Я всегда буду ждать тебя. Возвращайся к своему дому, когда устанешь.

Кларисса Картер улыбнулась — той улыбкой, которую Эмили не видела много лет. Безмятежной, спокойной, почти счастливой. Она обрела покой. Тот самый, которого была лишена всё время, пока её мир держался на лжи и виски.

Уильям щёлкнул каблуками и отдал честь. Но в его глазах, жёстких и выдержанных, читалось нечто большее, чем офицерский долг. Братская нежность.

— Служу Конфедерации, господин Президент, — сказал он. — И своей сестре. Прикажете сопровождать?

Эмили покачала головой, и её лицо смягчилось.

— Остайся с семьёй, Уильям, — ответила она с теплотой, отвечая на его жест. — Твоя очередь отдохнуть.

Наконец, её взгляд упал на полковника.

Джеймс Хоторн не произнёс ни слова. Он сидел в своём кресле, укутанный в плед, — живой призрак эпохи, которая закончилась навсегда. Но его пронизывающий, стальной взгляд говорил сам за себя.

А затем случилось то, чего никто не ожидал.

Медленно, с достоинством человека, который никогда и ни перед кем не склонял голову, он... склонил голову.

Этот жест был красноречивее любых слов. Капитуляция без боя. Высшая форма признания — от старого солдата, от бывшего врага, от человека, который когда-то считал её угрозой.

Эмили сделала последний, долгий взгляд на «Белый Тополь». На освещённые окна, которые видели её боль, её бунт, её падение — и её триумфальное возвращение.

— Обещаю, что буду возвращаться, — сказала она, обращаясь ко всем, кто стоял на пороге. — Это мой дом.

Она развернулась и, не оглядываясь, пошла к ожидающему автомобилю.

Солдаты замерли по стойке «смирно». Дверь с глухим, окончательным стуком закрылась за её спиной.

Эпилог. Возвращение в цитадель

Автомобиль с гербом Президента плавно тронулся, унося её прочь от мира личных историй, уютного тепла семейного очага и долгих, выстраданных объятий.

Впереди был холодный мрамор кабинетов, бесконечные доклады, заговоры, «Невидимая империя», плетущая свои сети, враги, не смирившиеся с поражением, и титанический труд по строительству нового мира — кирпичик за кирпичиком, закон за законом, жизнь за жизнью.

Эмили смотрела на ночные огни Ричмонда, приближающиеся с каждой минутой.

Она отдавала себе отчёт: отдых кончился. Настоящая битва только начинается.

Но теперь она везла с собой не только груз власти, который мог раздавить кого угодно. Она везла с собой тихую, но несокрушимую уверенность, обретённую у семейного камина, среди людей, чья любовь прошла через огонь и не сгорела.

Уверенность в том, что за её спиной стоит нечто большее, чем министры, армия и верные генералы.

Стоит семья.

Это осознание придавало её решимости новую, несокрушимую силу.

Автомобиль въехал в ворота Президентской резиденции.

Шины зашуршали по гравию. Солдаты караула замерли в почтительном молчании.

Эмили Картер, Президент Конфедеративных Штатов Америки, вернулась на свой пост.

Она вышла из машины, поправила мундир и, не оглядываясь на прошлое, шагнула внутрь.

Её работа только начиналась.

Глава 1 (новой части). Предложение, поворачивающее ось истории

Овальный кабинет замер. Только что здесь царил привычный деловой ритм — обсуждение отчётов о сборе урожая, логистики для новых профессиональных училищ, мер против ночных вылазок «призраков» в отдалённых округах. И вот слова Президента повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец, заставив онеметь даже самых преданных её сподвижников.

Генерал Грейсон первым нарушил молчание. Его лицо, всегда суровое и непроницаемое, стало каменным — таким оно бывало только перед самой безнадёжной атакой.

— Господин Президент... — Голос его был глухим, как далёкий раскат грома. — С учётом нашей истории... Это невозможно. Это будет воспринято как капитуляция. Как предательство крови всех, кто погиб за нашу независимость.

Доктор Вэнс поправил пенсне — нервный жест, который появлялся у него только в минуты сильнейшего стресса. Его аналитический ум уже лихорадочно просчитывал послед-

ствия, но даже он не мог скрыть шока.

— Экономически... — начал он, и в его словах слышались нотки почти благоговейного ужаса. — Открытие границ, снятие торговых эмбарго... Это спасло бы нашу экономику. Но политическая цена... — Он запнулся. — Господин Президент, Конгресс никогда...

Илайджа молчал. Но его взгляд, обращённый на Эмили, был красноречивее любых слов. Он понимал символический вес этого шага. Встреча не с рядовым врагом, а с победителем в той самой войне, что лежала между их нациями, как незаживающая, глубокая рана. Рана, которую она предлагала сейчас не прижечь — зашить.

Эмили медленно обвела взглядом своих сподвижников. Терпеливо, без спешки, давая им пережить первую волну изумления.

— Мы больше не воюем с Соединёнными Штатами, — сказала она. Голос её был спокоен — и не допускал возражений. — Мы воюем с нашим собственным прошлым. И в этой войне нам нужны союзники. А не враги.

Она подошла к большой карте мира, висевшей на стене. Её пальцы скользнули по очертаниям Севера — той территории, которую когда-то клялись ненавидеть вечно.

— Они продают станки. Нам нужны станки. — Эмили повернулась к министрам. — Они ищут новые рынки. Мы предлагаем новый рынок. Мы говорим на языке хлопка и долларов, а не свинца и ненависти. Настало время сменить

словарь.

В её глазах горела та самая решимость, что когда-то заставила их поверить в невозможное. Та, что сожгла рабство. Та, что перекроила экономику. Та, что наступила на горло старому миру.

— Я не спрашиваю, возможно ли это, — произнесла она, чеканя каждое слово. — Я объявляю вам о своём решении. Ваша задача — сделать это возможным.

Она перевела взгляд на Грейсона:

— Грейсон, обеспечьте безопасность. Проработайте все риски.

На доктора Вэнса:

— Вэнс, подготовьте экономические предложения, от которых они не смогут отказаться.

И, наконец, на Илайджу:

— Илайджа... — Эмили встретила с ним взглядом, и в этом взгляде было нечто большее, чем приказ. — Помогите им понять. Помогите донести, что это — не слабость. Это — следующая великая битва. Битва за будущее. И мы её выиграем.

Тишина в кабинете стала другой. Не оцепеневшей — напряжённой. В глазах её министров смешались ужас и восхищение. Они снова, как и много раз до этого, стояли перед пропастью, в которую она предлагала им прыгнуть.

Пропастью, из которой — если повезёт — можно было выйти на новую землю.

Эмили смотрела на них, и в её душе ворочалось что-то

тяжёлое, но почти радостное.

Она снова бросила им вызов. По масштабу превосходящий даже отмену рабства.

Похоронить старую вражду.

Начать новую главу в истории всего континента.

Она видела по их лицам — они колеблются. Они боятся. Но они последуют за ней.

Как следовали всегда.

— Вопросы? — спросила она.

Вопросов не было.

— Тогда готовьтесь. Нам предстоит встреча, о которой будут писать в учебниках.

Эмили села в своё кресло и взглянула на портрет Дэвиса, всё ещё висевший на стене. Потом перевела взгляд на пустое место рядом — туда, где когда-нибудь повесят её собственный портрет.

Посмотрим, — подумала она. — Посмотрим, что ты скажешь теперь, старый генерал. Твоя война проиграна. Я начинаю свою.

Глава 2. Голос в статике

Овальный кабинет был погружен в непривычный полумрак. Лампы погасили, чтобы создать наилучшие условия для связи — той самой, о которой ещё месяц назад никто не мог говорить вслух.

Инженеры, вызванные по личному распоряжению Президента, возились с громоздким телефонным аппаратом,

проверяя провода, настраивая частоты, перешёптываясь на непонятном техническом жаргоне. Генерал Грейсон стоял у двери, сжимая в руке кобуру, как будто ожидал, что из динамика может выскочить враг. Доктор Вэнс нервно постукивал пальцами по подлокотнику кресла. Илайджа застыл у окна, прислушиваясь к шипению эфира.

Эмили сидела за своим столом, не двигаясь, глядя на аппарат, как на живого зверя, которого нужно приручить.

Наконец один из инженеров протянул ей трубку, коротко кивнув.

— Есть сигнал, госпожа Президент. Говорите.

Она взяла трубку. Ладонь была сухой и твёрдой — ни капли волнения. Только сосредоточенная, холодная решимость.

В динамике шипели и потрескивали помехи, сквозь которые едва пробивался далёкий, искажённый расстоянием голос.

— ...Президент Картер? — Голос обрывался, петлял, но в нём чувствовалась та же твёрдая, привычная власть. — Вас слышно? Говорит... Белый дом... Вашингтон...

Эмили подалась вперёд, вцепившись в трубку.

— Господин Президент! — произнесла она чётко и громко, почти крича в мембрану, чтобы перекрыть треск. — Я вас слышу! Благодарю за связь!

Пауза. Шипение. Снова голос, теперь чуть отчётливее:

— ...Слушаю вас... Ваше предложение... получено...

Помехи нарастали, как морской прибой. Эмили сжала

трубку так, что костяшки пальцев побелели.

— Предлагаю встречу! — сказала она, чеканя каждое слово. — Личную встречу! Обсудить... будущее наших наций!

На том конце провода воцарилась тишина. Даже треск, казалось, замер в ожидании. Затем голос пробился сквозь шум, став чуть чётче, почти человеческим.

— ...Согласен. Встреча... необходима. Приглашаю... в Вашингтон. Обеспечим... безопасность.

Эмили на мгновение закрыла глаза. В Вашингтон. В самое сердце бывшего врага. Место, где её, ещё недавно, сожгли бы на костре как предательницу. А теперь...

— Принимаю приглашение! — ответила она. — На следующей неделе! Детали... через дипломатические каналы!

Голос из трубки стал чуть теплее — или ей только почудилось?

— ...Жду, — сказал он. — Протянем... руку... через пропасть прошлого. До связи...

Связь оборвалась. В трубке осталось лишь монотонное, равнодушное гудение.

Эмили медленно опустила трубку на рычаг.

В кабинете стояла гробовая тишина. Министры смотрели на неё, затаив дыхание. Даже инженеры замерли, не решаясь нарушить величие момента.

Она только что договорилась о невозможном.

Встреча в Вашингтоне. Лидер Юга — в столице победившего Севера. Женщина, чью страну пытались уничтожить,

— в логове тех, кто её когда-то проклинал.

Это был вызов истории. Традициям. Самой памяти о войне, которая унесла миллионы жизней и оставила незаживающую рану на теле континента.

Эмили подняла глаза на своих министров и медленно обвела их взглядом — успокаивающим, уверенным, почти ве­сёлым.

— Ну что ж, господа, — произнесла она, и голос её вновь обрёл привычную твёрдость, ту самую, что вела их через огонь и пепел. — Готовьтесь к поездке. Мы едем в Вашингтон.

Она чуть приподняла уголки губ.

— Показать им, что Конфедерация, которую они знали, мертва. А мы — её будущее.

Грейсон выпрямился, и в его глазах, наконец, зажглась искра той самой решимости, которую Эмили так ценила. Вэнс уже зашуршал бумагами, прикидывая протокольные расходы. Илайджа чуть качнул головой — едва заметно, но в этом жесте было согласие.

Они ехали в Вашингтон.

В самое сердце бури.

Глава 3. Заявление, которое услышит мир

Зал для пресс-конференций в Ричмонде был переполнен так, как не был заполнен никогда прежде. Журналисты из десятков газет — своих и зарубежных, дипломаты, аккредитованные при Правительстве Конфедерации, высокопостав-

ленные чиновники, специально приглашённые члены Конгресса — все они сидели плечом к плечу, затаив дыхание. Привычный гул голосов стих, как только дверь за сценой открылась.

Эмили вышла к трибуне.

На ней был строгий тёмный костюм — без орденов, без показной роскоши, только маленькая брошь в виде весов у ворота. Её лицо было спокойным и решительным — ни тени сомнения, ни тени страха. Вспышки камер ослепляли, но её взгляд был устремлён вверх толпы, туда, где за окнами простиралось будущее.

Она подождала, пока шум стих окончательно. И заговорила.

— **Граждане Конфедерации! Народы мира!** — Её голос, ровный и уверенный, заполнил зал, разлетаясь под сводами, как эхо истории. — Сегодня я хочу сделать историческое заявление, которое, я верю, изменит судьбу нашего континента.

Пауза. Короткая, выверенная — ровно настолько, чтобы слова успели осесть в сознании каждого присутствующего.

— Слишком долго между нашими народами лежала тень прошлого. Слишком долго мы позволяли старой вражде определять наше настоящее и будущее. Но сегодня я заявляю вам: эта тень рассеивается.

В зале поднялся встревоженный гул. Кто-то из журналистов вскочил с места, пытаясь задать немедленный вопрос,

но его остановил взгляд охраны. Эмили возвысила голос, перекрывая ропот:

— **По приглашению президента Соединённых Штатов Америки**, на следующей неделе я отправлюсь в Вашингтон для личной встречи. Цель этой встречи — не обсуждение старых обид. Её цель — строительство новых отношений!

Вспышки камер стали чаще. Журналисты зашептались, лихорадочно записывая каждое слово. Эмили продолжала — чётко, ясно, вкладывая в каждое слово всю силу своего авторитета, всю тяжесть прожитых лет и принятых решений.

— Мы не враги. Мы — соседи. Мы — партнёры. Мы — народы, связанные общей историей и, я уверена, общим будущим. Будущим мира, сотрудничества и взаимного процветания!

Она обвела взглядом зал — не спеша, никого не пропуская, бросая вызов любым сомнениям, любым тайным страхам, любым шёпотам о предательстве.

— Мы строим новую Конфедерацию — открытую, прогрессивную, готовую к диалогу. И первый шаг на этом пути — протянуть руку дружбы через ту пропасть, что разделяла нас слишком долго. Мы идём в Вашингтон не как побеждённые, а как равные партнёры, готовые вместе строить лучшее завтра для всех наших граждан.

Эмили замолчала.

Её слова повисли в воздухе, тяжёлые, как намокший флаг,

и светлые, как первый луч после бури. В зале стояла тишина — гулкая, напряжённая, полная вопросов и оценок. А затем — как прорвавшая плотина — зал взорвался.

Одни аплодировали. Другие выкрикивали вопросы. Третьи просто сидели, бледные, осознавая масштаб услышанного.

Эмили не стала отвечать на выкрики. Она улыбнулась краем губ и, коротко кивнув, покинула трибуну.

Она только что объявила о конце эпохи изоляции и начале новой дипломатической революции. Она открыла дверь, за которую никто до неё не решался войти.

Теперь миру предстояло осознать этот новый курс.

Принять его.

Или попытаться остановить.

Эмили знала: остановить её уже не получится.

Глава 4. Голоса мира – Часть 2

На следующее утро газетные киоски в Ричмонде, Вашингтоне, Лондоне, Париже, Берлине и даже в далёкой Москве ломились от свежих номеров. Мир, только недавно пришедший в себя после отмены рабства на Юге, получил новую встряску. И заголовки были такими же яркими, как зарево над «Белым Тополем» много лет назад.

Лондон, «The Times»

ЗАГОЛОВОК: *«ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ ЮГА РВЁТ БЛО-*

КАДУ: Президент Картер едет в Вашингтон»

КОММЕНТАРИЙ:

«Это беспрецедентно. Лидер мятежных штатов, посетивший столицу своей бывшей метрополии? Госпожа Картер вновь доказала, что для неё нет невозможного. В Форин-офисе царит смесь восхищения и паники: британская дипломатия, десятилетиями строившая свои расчёты на антагонизме между Севером и Югом Америки, рискует остаться на обочине, пока бывшие враги прочерчивают новые оси сотрудничества».

Париж, «Le Monde»

ЗАГОЛОВОК: *«РЕВОЛЮЦИЯ В ДИПЛОМАТИИ: Рукопожатие через океан крови»*

КОММЕНТАРИЙ:

«Мадам Картер не просто меняет политику — она меняет историю. Её визит в Вашингтон отменяет итоги войны более эффективно, чем это сделала бы любая победа на поле боя. В Салоне Зеркал в Версале задаются вопросом: не пора ли и Европе последовать её примеру и забыть старые распри? Ведь если две Америки смогли протянуть друг другу руку через бездну, залитую кровью, то что мешает нам?»

Берлин, «Vossische Zeitung»

ЗАГОЛОВОК: *«СИЛА ВОЛИ ПРОТИВ СИЛЫ ОРУЖИЯ: Как один визит может перевернуть мировую политику»*

КОММЕНТАРИЙ:

«Пока кайзер Вильгельм строит новые линкоры и обсуждает с генералами планы будущих кампаний, женщина-президент строит новые мосты. Немецкие генералы должны изучать эту "операцию Картер" не как дипломатический курьёз, а как образец стратегического превосходства разума над силой. Картер выигрывает сражение, которое армии проиграли десятилетия назад — и выигрывает его без единого выстрела».

Вашингтон, «The New York Times»

ЗАГОЛОВОК: *«БЫВШИЙ ВРАГ У КОЛЫБЕЛИ НАЦИИ: Шок и трепет в столице»*

КОММЕНТАРИЙ:

«Отцы-основатели переворачиваются в гробах. Президент Эмили Картер, чьи предки сражались под знамёнами Конфедерации и называли северян захватчиками, будет принята в Белом доме на следующей неделе. Газета про-

вела опрос на улицах: мнения разделились. Одни называют это историческим примирением и долгожданным исцелением ран. Другие — кощунством и предательством памяти павших. Ясно одно: американский политический ландшафт только что изменился навсегда».

Ричмонд, «The Richmond Examiner» (газета оппозиции)

ЗАГОЛОВОК: *«ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ВАШИНГТОНЕ: Картер плюёт на могилы наших героев»*

КОММЕНТАРИЙ:

«Она посмела назвать их "друзьями"! Тех, кто сжёг наши города и целые штаты, кто уничтожил наш образ жизни, кто вверг страну в пучину войны! С этого дня она больше не наша президент. Она — марионетка Севера, завершённая в шёлковом платье предательница. Истинные патриоты не должны сидеть сложа руки!»

Москва, «Московские ведомости»

ЗАГОЛОВОК: *«НЕВЕРОЯТНОЕ ПРИМИРЕНИЕ ЗА ОКЕАНОМ: Что это значит для России?»*

КОММЕНТАРИЙ:

«Пока Европа сотрясается от этого известия, а английская и французская биржи лихорадит, в Зимнем дворце с интересом наблюдают за сближением американских держав. Ослабят ли они в итоге друг друга, растворившись в братских объятиях, или, напротив, создадут новый монолит, способный диктовать волю остальному миру? В любом случае, это меняет баланс сил».

Общий вердикт прессы:

Мир был ошеломлён.

В Эмили Картер видели либо величайшего миротворца века — ту, кто осмелилась протянуть руку через пропасть, залитую кровью. Либо хитрого манипулятора — или, в зависимости от угла зрения, опаснейшую предательницу, готовую продать душу новым союзникам за кусок мирового пирога.

Но все — решительно все — сходились в одном: её шаг перевернул мировую политику.

Отныне Конфедерация была не изгоем, которого нужно бояться и презирать. Она была игроком. Игроком, диктующим новые правила на мировой арене.

Эмили отложила подборку газет на край стола и посмотрела в окно. За стеклом медленно вставало солнце — и в его лучах ей виделись не только новые угрозы, но и новые возможности.

Она улыбнулась уголками губ.

— Ну что ж, господа, — сказала она тихо, обращаясь к пустому кабинету. — Посмотрим, кто дрогнет первым.

Глава 5. Рукопожатие в Белом доме

Кортеж Президента Конфедерации медленно подъехал к Белому дому. Чёрные автомобили с гербами Джорджии и Конфедерации скользили по мостовой, отражая солнечный свет. С обеих сторон от ограждения, затянутого лентами оцепления, толпились тысячи людей. Жители Вашингтона, округ Колумбия, пришли посмотреть на чудо: лидер врага, женщина-президент, чьё имя ещё недавно было синонимом мятежа, въезжала в самое сердце бывшей столицы.

Их взгляды были разными. Одни смотрели с любопытством, даже с восхищением — на эту стройную фигуру в тёмном костюме, с гордой осанкой и спокойным лицом. Другие — с нескрываемой враждебностью, сжимая кулаки и выкрикивая проклятия. Третьи просто молчали, не в силах осознать масштаб происходящего.

Когда дверь автомобиля открылась, и Эмили вышла на гравийную дорожку, на мгновение воцарилась абсолютная тишина. Даже ветер, казалось, замер. Только щёлканье камер и шипение первых видеокамер нарушали этот нереальный покой.

На пороге Белого дома стоял Президент Соединённых Штатов Гровер Кливленд.

Крупный, солидный, уверенный в себе мужчина, чьё ли-

цо было бесстрастным, как у опытного игрока в покер, наблюдавшего за выпадением карт. Но в глазах его читалось напряжённое любопытство — смесь уважения и опасения.

Он сделал шаг вперёд и протянул руку.

— Госпожа Президент, — произнёс он. Его голос был ровным, без тени фальшивой сердечности. — Добро пожаловать в Вашингтон.

Эмили встретила его взгляд и ответила на рукопожатие. Крепко, уверенно, без вызова, но и без тени колебаний. Это было рукопожатие равных.

Вспышки фотокамер ослепили всех вокруг. Десятки, сотни снимков зафиксировали этот момент — два лидера, чьи страны ещё недавно были заклятыми врагами, пожимающие руки на ступенях Белого дома.

Момент мгновенно вошёл в историю.

Глава 6. Пресс-конференция в Овальном кабинете

Внутри, перед пестрой толпой журналистов, они сидели рядом, в двух креслах, расставленных на небольшом возвышении. Эмили — в своём строгом тёмном костюме, с прямой спиной и непроницаемым лицом. Кливленд — в сюртуке, чуть более расслабленный, но с той же сталью в глазах. Воздух в зале был густым от напряжения.

Первый вопрос — словно удар хлыста — прилетел от молодого репортёра с горящими глазами, обращённый прямо

к Эмили:

— Президент Картер, не считаете ли вы, что ваше присутствие здесь — плевок на могилы солдат Союза, погибших, чтобы не дать таким, как вы, разрушить нашу страну?

В зале повисла тяжёлая тишина.

Эмили не отвела взгляд. Её лицо оставалось спокойным, почти безмятежным.

— Я считаю, — сказала она, и голос её был ровным, без ноток оправдания, — что лучшая память о павших — не вечная вражда, а построение мира, ради которого они, как мне кажется, и сражались. Мы отдаём дань уважения прошлому, глядя в будущее. И в этом будущем нет места для старых обид.

Второй журналист — с блокнотом и тяжёлым взглядом — обратился к Кливленду:

— Господин Президент, не опасаетесь ли вы, что это рукопожатие будет воспринято как слабость? Как прощение грехов рабовладельческого Юга?

Кливленд ответил не сразу. Он выдержал паузу, взвешивая слова.

— Я вижу перед собой, — произнёс он наконец, веско и медленно, как выносят приговор, — лидера суверенной нации, которая провела смелые и решительные реформы. Мы ведём диалог с настоящим и будущим. А не с призраками прошлого.

Третий вопрос — самый опасный — прозвучал от седо-

власого корреспондента с севера, специалиста по международной политике:

— Что станет с доктриной Монро? Означает ли эта встреча, что Соединённые Штаты признают право Конфедерации на существование и отказываются от идеи воссоединения?

Эмили и Кливленд обменялись быстрым, почти незаметным взглядом. Кливленд чуть качнул подбородком — отвечайте.

Эмили повернулась к журналисту и чётко, спокойно произнесла:

— Мы обсуждаем новые реалии. Доктрина, рожденная в XIX веке, должна быть осмыслена для века XX. Мы говорим о партнёрстве двух американских держав, которые вместе могут определить судьбу этого полушария, основываясь на сотрудничестве, а не на доминировании.

Её ответ был дипломатичным — но твёрдым. Она не просила признания. Она не оправдывалась. Она заявляла о себе как о равной силе.

Вспышки камер вновь ослепили зал. Но Эмили не моргнула.

Она знала: главная битва этой встречи была только что выиграна.

Они не оправдывались. Они говорили с позиции силы — не военной, нет, но силы видения будущего. И президент США сидел рядом с ней не как победитель с побеждённой, а как коллега с коллегой.

Впервые в истории.

Эмили смотрела на фоторепортёров, на лица журналистов, в которых читались изумление, недоверие и, у некоторых, даже уважение. И думала:

«Это только начало».

Глава 7. Провозглашение нового союза

После того, как последний вопрос журналистов отзвучал, а вспышки камер на миг прекратили свой бешеный ритм, в Овальном кабинете повисла напряжённая, почти священная тишина.

Эмили обменялась с президентом Кливлендом коротким, но многозначительным взглядом. В его глазах она увидела не просто готовность — не ту, будничную, о которой докладывают на совещаниях. Она увидела решимость. Решимость человека, который понимал, что сейчас, в эту секунду, они пишут историю.

Он чуть кивнул ей — почти незаметно, но Эмили уловила.

Настал момент.

Она медленно поднялась с кресла. Кливленд сделал то же самое — бесшумно, синхронно, будто они репетировали это движение годами. Два президента, стоящие плечом к плечу перед всем миром, — зрелище было настолько историческим, что даже самые циничные, самые выдавшие виды репортёры замерли, забыв о своих блокнотах.

— Господа, — произнесла Эмили. Её голос — чистый, мощный, не оставляющий места для сомнений — заполнил

зал, как звук органа в соборе. — Мы собрались здесь не просто для того, чтобы положить конец вражде. Мы собрались здесь, чтобы начать нечто большее.

Она повернулась, встречаясь взглядом с Кливлендом — как с соратником, а не как с бывшим врагом. Затем снова обвела взглядом зал, где десятки людей затаили дыхание.

— Сегодня, плечом к плечу с президентом Соединённых Штатов, — объявила она, — я объявляю о создании нового союза. Союза двух великих американских государств!

В зале повисла гробовая тишина. А затем, словно плотина прорвалась, её взорвали шквал вспышек, изумлённые крики, топот ног — журналисты вскакивали с мест, пытаясь запечатлеть момент, понять, осознать, переварить услышанное.

Эмили повысила голос, перекрывая шум:

— Это не союз завоевателя и побеждённого! Это — Атлантический пакт двух равных держав, которые выбирают общее будущее вместо разобщённого прошлого! Мы объявляем, что эпоха вражды между нашими народами — ОКОНЧЕНА!

Она сделала паузу и жестом пригласила говорить Кливленда. Тот шагнул вперёд, его лицо было серьёзно, торжественно — как у человека, который понимает тяжесть возлагаемой на себя ответственности.

— Да, — сказал он, и в его голосе не было пафоса, только уверенность. — Подписывая сегодня этот исторический пакт, мы хороним призраков Геттисберга и Аппоматтокса.

Мы провозглашаем новую эру. Эру мира, сотрудничества и беспрецедентного процветания для всех наших граждан — от севера Мэна до юга Джорджии. — Он сделал паузу и добавил весомо: — Вместе мы будем неустойчивы.

Он повернулся к Эмили и протянул руку. На этот раз это было не формальное рукопожатие для фотографов — не дань протоколу. Это был твердый, полный глубокого, почти интимного смысла жест соратника. Жест человека, который смотрит в одном направлении.

Эмили ответила на рукопожатие. Крепко, уверенно, без тени колебаний.

Она повернулась к прессе и, через неё, ко всему миру: — Отныне наши нации будут вместе строить будущее. Будущее, в котором слово «гражданин» будет важнее, чем слово «северянин» или «южанин»! — Она обвела взглядом зал, как бы приглашая всех стать свидетелями. — Мы объявляем об этом сегодня. И мы призываем весь мир стать свидетелем рождения новой силы на мировой арене — силы мира и прогресса!

Камеры щёлкали, не переставая. Журналисты, забыв о правилах приличия, перекрикивали друг друга, пытаясь задать хоть один вопрос. Но Эмили и Кливленд уже не смотрели на них.

Они смотрели друг на друга — и улыбались.

В этот момент история действительно перевернула страницу.

Вражда, разделявшая некогда единый народ, была не просто прекращена — она была заменена на союз. На Атлантический пакт. На обещание строить, а не разрушать. На веру в то, что бывшие враги могут стать партнёрами.

И Эмили Картер стояла в эпицентре этого изменения. Не как свидетель — как автор.

Она опустилась в кресло, и Кливленд последовал её примеру.

Пресс-конференция ещё не закончилась. Но главное было сказано.

История была сделана.

Глава 8. "We Are Americans!"

После слов президента Кливленда Эмили почувствовала: момент требует большего. Формального объявления союза, сухих дипломатических формулировок, подписей под документом — всего этого было недостаточно. Не для истории. Не для миллионов людей, которые наблюдали за ними сейчас и будут судить о них через столетия.

Нужно было обратиться к сердцам.

Она сделала шаг вперёд — отодвинувшись от Кливленда на полшага, но не в сторону, а как бы навстречу залу, навстречу миру. Её голос, и без того уверенный, зазвучал с новой, почти пророческой силой.

— Президент Кливленд сказал верно, — произнесла она. — Но я хочу добавить нечто, что долгие годы боялись произносить вслух по обе стороны границы.

Она обвела взглядом зал — глазами, в которых не было вызова, но была абсолютная, непоколебимая уверенность. Журналисты замерли. Многие всё ещё смотрели на неё с недоверием, но никто не решался перебить.

— Мы — два государства. — Эмили сделала паузу, давая словам проникнуть в сознание. — У нас разные правительства, разные законы. Но... разделяемся ли мы?

Она покачала головой — медленно, отрицая самую мысль о разделении.

— Мы — один народ, — сказала она, и голос её окреп. — **Мы — АМЕРИКАНЦЫ!**

Слово — произнесённое с такой силой, с такой верой, с такой непоколебимой убеждёностью — повисло в воздухе, тяжелое, как наковальня, и светлое, как луч солнца после грозы. А затем оно обрушилось на зал волной эмоций. Кто-то ахнул, прикрыв рот рукой. Кто-то замер в ступоре, не в силах осознать услышанное. Даже президент Кливленд слегка отклонился назад — его веки дрогнули, на лице мелькнуло изумление, смешанное с восхищением. Смелость и простота этой формулы поразили его до глубины души.

— Нас пытались разделить — историей, войной, идеологией, — продолжала Эмили, не давая тишине затянуться. — Но кровь, пролитая на этой земле, была американской кровью. Мечты, которые мы лелеем, — это американские мечты. И будущее, которое мы построим, будет **американским будущим!**

Она повернулась и протянула руку к столу, где лежал ещё не подписанный Вашингтонский пакт. Кливленд, оправившись от изумления, сделал то же самое — его рука легла на противоположный край документа. Под треск бесчисленных камер и шипение первых видеокамер два президента одновременно взялись за перья.

Тишина в зале стала абсолютной. Слышно было, как скрипят перья по плотной бумаге — звук, который, казалось, разносился эхом по всей истории.

Эмили подписала. Кливленд подписал следом.

Потом они снова повернулись друг к другу.

На этот раз их рукопожатие было не дипломатическим жестом для протокола. Оно было долгим, искренним, почти братским. Они держали руки соединёнными, пока папарацци сходили с ума, запечатлевая этот миг для будущих поколений.

Кливленд первым нарушил молчание. Его голос, обычно спокойный и взвешенный, звучал торжественно:

— Один народ. — Он сжал её руку чуть крепче. — Две страны. — Пауза. — Одна судьба.

Эпилог. Новая ось мира

В тот вечер газеты всего мира вышли с совместной фотографией Эмили Картер и Гровера Кливленда на первых полосах. Заголовки кричали:

«КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ» — *The New York Times*

«РОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО СТОЛПА» — *The Times* (Лондон)

«ДВЕ СТРАНЫ, ОДИН НАРОД: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАКТ» — *Le Monde*

«НОВАЯ СИЛА: КОНФЕДЕРАЦИЯ И СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ ПРОТИВ ОСТАЛЬНОГО МИРА» — *Berliner Tageblatt*

Эмили не просто подписала союз. Она переопределила идентичность целого континента. Отныне «американец» — это не гражданин США, не житель бывшей Конфедерации, не потомок рабов или рабовладельцев. Это нечто большее. Это принадлежность к общей судьбе, которую она только что провозгласила — не словом, а делом.

Враги будут обвинять её в предательстве — тех, кто не смирился с концом старого мира. Сторонники, напротив, будут славить её как величайшего миротворца со времён Линкольна.

Но никто не сможет отрицать: она изменила сам лексикон мировой политики.

И в центре этого изменения стояла она — женщина, которая заставила бывших врагов назвать себя одним народом.

Эмили Картер — Президент Конфедеративных Штатов Америки.

Верховный главнокомандующий. Миротворец. Амери-

канка.

Глава 9. Голос мира – Часть 3

На следующее утро мир проснулся в новой реальности. События в Вашингтоне — подписание Пакта, рукопожатие двух президентов, сама фраза «Мы — американцы» — облетели планету со скоростью телеграфа.

Газетные киоски осаждали толпы. Люди срывали свежие номера, чтобы собственными глазами увидеть заголовки, которые переписывали историю.

London, *The Times*

ЗАГОЛОВОК: «КОНЕЦ ЭПОХИ: Рождение американского столпа сотрясает Британскую империю» КОММЕНТАРИЙ

«Вчера в Вашингтоне рухнул мировой порядок, каким мы его знали. Две величайшие державы Нового Света, бывшие смертельные враги, объявили себя "одним народом". Британскому могуществу брошен вызов, по сравнению с которым наполеоновские войны кажутся провинциальной склокой. Лорды Адмиралтейства в панике требуют срочного увеличения флота. Вопрос, который никто не решается задать вслух: сможет ли Британия в одиночку противостоять новому американскому колоссу?»

Paris, *Le Figaro*

ЗАГОЛОВОК: «ФРАНЦИЯ ПРОБУЖДАЕТСЯ В НОВОМ МИРЕ: Американский гигант родился в Вашингтоне»

КОММЕНТАРИЙ

«Пока мы спорили об Эльзасе и Лотарингии, о европейских балансах и старых обидах, Картер и Кливленд перекраивали карту мира. Их "Вашингтонский пакт" — не просто союз. Это рождение новой сверхдержавы, способной диктовать свои условия даже старой Европе. В Елисейском дворце царит шок. Франция, всё ещё переживающая последствия войны с Пруссией, может навсегда остаться в тени этого нового континентального колосса».

Берлин, *Berliner Tageblatt*

ЗАГОЛОВОК: «ЖЕЛЕЗО И КРОВЬ ПРОТИВ СЛОВА И БУМАГИ: Бисмарк проиграл, Картер победил»

КОММЕНТАРИЙ:

«Пока наш "железный канцлер" строил хитроумные альянсы в Европе, плел интриги и договаривался о нейтралитетах, женщина-президент создала величайший союз столетия — одним росчерком пера и одной произнесённой фразой. Немецкие генералы в ужасе: объединённая Америка (эко-

номически и политически) сможет выставить армию в пять миллионов человек без особого напряжения. Кайзер Вильгельм, известный своей амбициозностью, требует немедленного ответа. Но что может противопоставить Европа силе, родившейся из мира, а не из войны?»

Санкт-Петербург, Новое время

ЗАГОЛОВОК: «МЕДВЕДЬ ПЕРЕД ДВУГЛАЗЫМ

ОРЛОМ: Россия между молотом и наковальней»

КОММЕНТАРИЙ:

«Царь Александр III в ярости. Американский пакт отбрасывает Россию на периферию мировой политики — туда, где её интересы будут учитываться лишь по остаточному принципу. Наше влияние на Тихом океане, наши планы по расширению на Дальнем Востоке, даже наши позиции в Европе — всё это теперь под угрозой. В Зимнем дворце идут срочные совещания о возможности союза с Британской империей — того, чего ещё вчера нельзя было даже представить».

Вена, Neue Freie Presse

ЗАГОЛОВОК: «КОНЕЦ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРЕ-

ВОСХОДСТВА: Старый Свет в осаде»

КОММЕНТАРИЙ:

«С сегодняшнего дня центр тяжести мировой политики

окончательно сместился за океан. Австро-Венгрия, как и вся старая Европа, должна смириться с ролью младшего партнёра. Наш многовековой культурный, экономический и военный паритет с Америкой окончен. Вопрос не в том, признаем ли мы это. Вопрос в том, как долго мы сможем делать вид, что ничего не произошло».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.